

Глядя на то, как сильно взвинчен Сун Ян, Цзян Боянь соизволил наконец обратить на него внимание. Сам он привык поступать как вздумается, не заботясь о последствиях, но теперь, увидав багровое от паники лицо приятеля, слегка растерялся и вспомнил-таки об их предметчевом уговоре.

По условиям спора, проиграй Боянь Лу Иню — и отдаться пришлось бы Сун Яну. И какое там было наказание? Лаять по-собачьи?

Разумеется, Сун Ян не горел желанием позориться на глазах у всей толпы. Он места себе не находил от ужаса. С самого детства он грезил о карьере суперзвезды с миллионами фанатов, мечтал блистать под прицелом софитов и купаться в народной любви, так что подобное клеймо позора никак не входило в его планы. А уж когда он заметил, как кто-то в толпе достал телефон и навел на него камеру, к горлу у него и вовсе подкатил удушливый, тошнотворный ком.

— Да нет же... — бледными губами пролепетал Сун Ян. — Я думаю, нам...

Под прицелом десятков глаз он лишь беспомощно заикался, не в силах связать и пары слов. Кожа на голове так и горела от стыда — хотелось сквозь землю провалиться. В отчаянии он бросил умоляющий взгляд на Цзян Бояня, надеясь, что тот за него заступится.

Вид у него был несчастный, слезы вот-вот готовы были хлынуть из глаз — беспроегрышный прием, ведь Сун Ян прекрасно знал, что Боянь перед этим зрелищем никогда не мог устоять.

Боянь небрежно поднялся с пола. Лицо его не выражало ничего хорошего. Он уже собирался было вслух заявить, что глупо воспринимать этот детский лепет про собачий лай всерьез, и тем самым дать приятелю лазейку, но стоило ему перехватить взгляд Лу Иня, как все заготовленные слова застряли у него в горле.

Ведь проиграй сегодня Лу Инь, Сун Ян ни за что не упустил бы возможности смешать его с грязью.

От этой мысли Бояня взяла лютая досада. Он окончательно проигнорировал жалобную мину Сун Яна и, бросив короткое: «Сами разбирайтесь», подхватил с пола свой рюкзак и зашагал прочь, даже не обернувшись.

Оставшись без поддержки, Сун Ян совсем упал духом. И все же попытался извернуться, заглядывая в глаза победителю:

— Лу Инь, мне нужно с тобой поговорить. Давай отойдем куда-нибудь...

— Эй! — бесцеремонно перебил его кто-то из толпы, издав глумливый смешок. — Ты что, соскочить решил? Мы вообще-то все слышали!

Лу Инь лишь скрестил руки на груди, с ленивым интересом наблюдая за его жалкими попытками спасти лицо.

Щеки Сун Яна залила пунцовая краска. Он замер, не зная, куда деть руки. При всей своей скрытности и изворотливости, он, как и его отец Сун Хайнин, превыше всего ставил собственный статус, поэтому пережить подобный позор на людях ему было невыносимо тяжело. Но деваться было некуда. Стиснув зубы, он скороговоркой твякнул три раза.

Вокруг защелкали затворы камер, замелькали яркие вспышки. Сун Ян стоял бледный как полотно. Не выдержав издевательских смешков, он закрыл лицо руками и сломя голову бросился к выходу.

Шоу закончилось, и зеваки начали неохотно расходиться.

На ладонях Лу Иня осталась пыль от баскетбольного мяча. Из-за легкой брезгливости он первым делом направился в душевые, чтобы вымыть руки. Каково же было его удивление, когда у раковин он обнаружил Цзян Бояня, который вообще-то ушел самым первым.

Шум хлынувшей из крана воды заглушил шаги вошедшего Лу Иня. Боянь его не заметил — он стоял, низко наклонившись над раковиной, и пригоршнями плескал в лицо ледяную воду. Выпрямившись, он тряхнул мокрыми волосами и уставился на свое мрачное отражение в зеркале.

— Совсем крыша поехала, — тихо процедил он сквозь зубы.

— Так вот где ты прячешься, — лениво отозвался Лу Инь.

Боянь вздрогнул от неожиданности и затравленно огляделся. Через зеркальную поверхность их взгляды пересеклись, и в уборной повисла затяжная, тяжелая тишина.

Лу Инь подошел к соседней раковине, тщательно вымыл руки с мылом и вытер их бумажным полотенцем. Боянь стоял неподвижно, лишь деревянно повернул голову, провожая каждое его движение неотрывным, тяжелым взглядом. Но стоило Лу Иню выбросить скомканную бумагу в урну и направиться к выходу, как Боянь резко окликнул его:

— погоди!

Он шумно выдохнул, пытаясь вернуть самообладание.

— Стой. Я тут подумал... Ты вообще не изменился. Ну, с самого детства. Я имею в виду... Мы ведь с тобой кучу лет знакомы.

— Ты сегодня действительно сам не свой, — Лу Инь остановился у порога и с прищуром оглядел собеседника. — Ностальгия — последнее, что может нас связывать. Seriously решил предаться воспоминаниям в мужском туалете?

— А ты помнишь, как мы вообще встретились впервые? — с деланным безразличием закинул удочку Боянь.

— Нет. Какая-то ерунда, не заслуживающая внимания, — равнодушно отрезал Лу Инь.

Боянь поперхнулся от такого ответа, но, на удивление, вспыхивать не стал. Лишь упрямо продолжил гнуть свое:

— А в какой детский сад ты ходил? Может, мы и правда в одну группу попали.

Лу Инь наконец повернулся к нему, и на его губах заиграла едва заметная усмешка:

— Уж не намекаешь ли ты на тот случай, когда пробрался ко мне во время тихого часа и попытался поцеловать, пока я спал?

От такой вопиющей прямоты Боянь опешил. Он резко отвернулся и зашелся в сухом, надрывном кашле, судорожно глотая воздух.

— Ч-что?.. Ты... ты всё знал?!

— Если ты хотел обсудить это, то зря стараешься. Мне неинтересно, — парировал Лу Инь.

— Блядь! — наконец выдавил Боянь. У него даже лицо пошло пунцовыми пятнами от смущения, а на виске вздулась синяя жилка. — Какого хрена ты вообще это помнишь?!

Лу Инь окинул его скептическим взглядом:

— И ты после этого утверждаешь, что у тебя традиционная ориентация?

— Да я натурал стопроцентный! — вскинулся Боянь, скрипнув зубами. — У нас в роду отродясь геев не водилось! Просто ты в детстве вылитая девчонка был, любой бы перепутал. Так что моей вины тут нет!

В этот момент дверь туалета со скрипом приоткрылась, впуская постороннего. Боянь по старой привычке мгновенно отшатнулся от Лу Иня, но не рассчитал траекторию и со всего маху приложился поясницей о мраморную столешницу. Исказив лицо от боли, он глухо зашипел. Когда же он поднял глаза, Лу Иня и след простыл — тот уже выходил в коридор.

Чертыхнувшись, Боянь подхватил рюкзак и бросился вдогонку.

— Да постой ты!

— Твой обожаемый Сун Ян только что послушно отгавкался перед толпой, — Лу Инь резко обернулся, заставив преследователя замереть на месте. — И вместо того чтобы бежать успокаивать своего ненаглядного, ты тащишься за мной? С какой стати?

— Он сам напросился на этот спор, — Боянь отвел взгляд, чувствуя себя неловко. — Проиграл — пусть не ноет. Сам виноват.

— Знаешь, — Лу Инь тихо хмыкнул, вглядываясь в его лицо с плохо скрываемой насмешкой, — иногда мне кажется, что ты редкостная бесчувственная тварь.

Бросив это, Лу Инь зашагал прочь по коридору. Он больше не оборачивался и никак не показывал, что знает о преследователе. Боянь же, оказавшись в людном холле, благоразумно сбавил темп, чтобы не привлекать лишнего внимания, и теперь упрямо шел следом, держась на приличном расстоянии.

Миновав выход из спортивного комплекса, они поравнялись с главным конференц-залом университета. Лу Инь скользнул взглядом по огромному рекламному щиту у дверей и резко замер.

Боянь тут же проследил за его взором. На стене красовался яркий анонс предстоящего мероприятия.

Цзян-да, будучи ведущим вузом страны, никогда не испытывал недостатка в финансировании и связях. Руководство университета регулярно устраивало для студентов лекции настоящих акул бизнеса. Завтрашним гостем должен был стать человек, чье имя гремело на всю страну, — Се Чи, глава крупнейшего Холдинга Стремительного Процветания и по совместительству давний кумир Лу Иня.

Под его жестким руководством «Шэнчи» стремительно расширял сферы влияния, подминая под себя один рынок за другим. Однако сам Се Чи вел подчеркнуто уединенный образ жизни. Как и в прошлой жизни Лу Иня, этот человек упорно избегал объективов телекамер, а упоминания о нем в прессе можно было пересчитать по пальцам.

Впрочем, дефицит официальной информации с лихвой компенсировался слухами. О его личной жизни шептались на каждом углу, а бывшие партнеры нет-нет да и жаловались кулуарно на его деспотичный, порой откровенно авторитарный стиль управления. Правда, подобные обвинения тут же опровергались другими источниками. Каким Се Чи был на самом деле, посторонним оставалось лишь гадать — узнать истину можно было, только столкнувшись с ним лицом к лицу.

Заметив, с каким пристальным вниманием Лу Инь изучает плакат, Боянь заговорщически придвинулся ближе:

— Хочешь подкину сочных сплетен про этого господина? Из первых уст, между прочим, чистая правда.

Не дожидаясь согласия, он затараторил:

— Наш великий Се Чи бесплоден. Там какая-то застарелая болячка, короче, детей у него быть не может. Родители уже всю подыскивают ему приемного сына из родни, чтобы вырастить преемника для империи. Вот уж не повезло мужику, чисто по-человечески даже жаль его.

— Жаль? — приподнял бровь Лу Инь.

— Ну а как же! — не раздумывая, фыркнул Боянь. — Всю жизнь пахать ради чужого пасынка, чтобы потом преподнести ему всё готовенькое на блюдечке? Да я бы скорее удавился, чем пошел на такую глупость.

Сказав это, он внимательно всмотрелся в лицо собеседника, и его внезапно осенило:

— Ах да, чуть не забыл, ты же по парням... Слушай, Лу Инь, а сам-то ты планируешь заводить детей?

— Нет, — сухо ответил тот.

— Ну, не зарекайся, мало ли как...

— Мужчины физиологически не способны рожать, — перебил его Лу Инь, вновь переводя взгляд на плакат. — И я не считаю, что Се Чи несчастен. Наличие потомства — вовсе не обязательное условие для полноценной жизни.

— И чего ты так заводишься, стоит мне заговорить о нем? — недовольно поморщился Боянь. Ведь до этого Лу Инь цедил слова сквозь зубы, явно мечтая поскорее отделаться от его компании.

— Се Чи — выдающийся предприниматель, заслуживающий глубокого уважения.

— И поэтому он твой кумир?

— Кумир? — Лу Инь на мгновение задумался. — Пожалуй, можно сказать и так.

От этих слов у Бояня внутри всё так и заклокотало от непонятной досады. Он скривился и ядовито процедил:

— Ну да, фанатская слепота — страшная вещь. Смотри не влюбись, он же старик древний.

С этими словами он уставился на портрет Се Чи, силясь найти хоть какой-то изъян во внешности бизнесмена, чтобы побольнее уколоть Лу Иня. Однако стоило ему присмотреться, как спесь с него мгновенно слетела. Боянь ошеломленно переводил взгляд с глянцевої бумаги на стоявшего рядом парня.

— Погоди-ка... — пробормотал он, окончательно растерявшись. — А ведь вы чертовски похожи. Глаза... разрез глаз у вас один в один.

Лу Инь тоже всмотрелся в изображение. На его взгляд, Се Чи обладал совершенно иным типом внешности — хищные, резко очерченные, глубокие черты лица выдавали в нем человека с примесью европейской крови.

Долго разглядывая холеное лицо на плакате, Лу Инь ровно покачал головой:

— Ничего общего.

— У тебя что, проблемы с распознаванием лиц? — недоверчиво прищурился Боянь.

— И в чем же, по-твоему, сходство?

— Да во всём! Форма глаз, очертания губ, даже пропорции лица. Понятно, что вы не близнецы и не копии друг друга, но если не вглядываться в мелочи, то с первого взгляда сходство просто поразительное...

Впрочем, непоколебимое спокойствие Лу Иня заставило его засомневаться в собственной правоте.

— Хотя, может, дело в манере держать себя, — буркнул Боянь. — Да и дизайнеры наверняка замазали оригинал фильтрами до неузнаваемости.

Распрощавшись с навязчивым спутником, Лу Инь сел в машину и поехал домой.

Около пяти вечера его внедорожник припарковался у ворот. В окнах виллы уже горел теплый свет — Тань Мо вернулся с занятий. Из столовой доносился аппетитный аромат домашней еды:

похоже, повара из поместья Синего Озера снова позаботились о доставке ужина.

Повесив куртку в прихожей и вымыв руки, Лу Инь направился в обеденную зону. Перешагнув порог, он замер: Тань Мо полулежал на кухонной столешнице, неестественно согнувшись и крепко прижимая ладонь к животу. Свободной рукой он тщетно пытался свинтить крышку с аптечного флакона.

Услышав шаги, юноша обернулся. Его бледное лицо и бескровные губы пугающе напоминали о тех днях, когда он тяжело болел.

На долю секунды Лу Иню показалось, что он вновь провалился в тот кошмар из прошлой жизни, ставший для него источником вечного, непреходящего страха. В голове со звоном лопнула туго натянутая струна самообладания.

Он мгновенно оказался рядом, мертвой хваткой вцепился в предплечье парня и глухо, прерывисто выдохнул:

— Что с тобой?!

— Да так, желудок прихватило немного, — попытался отмахнуться Тань Мо. — Ерунда, сейчас таблетку приму, и всё пройдет. Мне не привыкать.

Но Лу Инь, крепко стиснув губы, уже настойчиво тянул его к выходу:

— Едем в больницу. Живо.

Тань Мо послушно шел следом, сиюсь перевести все в шутку:

— Да правда же, ничего страшного! Обычный спазм, у меня со школьных времен так. Ты ведь сам видел мои медицинские карты и анализы — там всё идеально, комар носа не подточит.

На полуслове он вдруг осекся. До него наконец дошло, с какой отчаянной, сокрушительной силой Лу Инь сжимает его руку. Пальцы старшего дрожали, и это было...

— У тебя... руки трясутся? — Тань Мо замер, сделал несколько быстрых шагов вперед, заглядывая Лу Иню в лицо, и потрясенно прошептал: — Господи, Лу Инь... Ты что, плачешь?

Лу Инь не плакал — просто от дикого, парализующего страха глаза предательски застлала влага, а белки покраснели. Но Тань Мо принял это за слезы. А когда Лу Инь плакал, весь мир для Тань Мо рушился. Потеряв всякое самообладание, он всем своим крупным телом перегородил дверной проем столовой и упрямо перехватил дрожащие пальцы Лу Иня.

Сколько он себя помнил, на свете не было ничего страшнее для него, чем слезы Лу Иня.

<http://bllate.org/book/20470/2132449>